

УДК 303.02

DOI: 10.17223/2312461X/21/4

ТЕЛЕСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ ПИСЬМА В АНТРОПОЛОГИИ АНДРЕ ЛЕРУА-ГУРАНА

Виктор Леонидович Круткин

Аннотация. В конце XX века в социальных науках происходит формирование новой парадигмы, ее часто именуют «поворотом к материальности». Характерное для эпохи модерна понимание человека как единственного активного субъекта начинает подвергаться сомнению, роль деятельного фактора приписывают возникающему в деятельности миру артефактов. Осмыслению этих процессов сегодня посвящен обширный корпус текстов, по-новому раскрывающих место человека в мире. Человек выступает в истории уже не как мысль, не только как идеальное сознание, но как воплощенное телесное существо. Телесность человека перестает рассматриваться лишь как природная составляющая социальных взаимодействий. Несомненно, при всех своих свершениях человек продолжает оставаться физиологическим существом. Тело – это способ, каким природа становится человеком. Для раскрытия такого становления недостаточно дуалистических методов, противопоставляющих субъект и объект, здесь требуется другая методология. В сегодняшних исследованиях историков, антропологов, социологов, психологов нельзя игнорировать результаты, полученные в ходе упомянутого междисциплинарного поворота. Настоящая статья посвящена идеям А. Леруа-Гурана, какие мы находим в его фундаментальной работе «Жест и речь» (1964). Многие его идеи предвосхищают положения «поворота к материальности», развитая им методология позволила выдвинуть ряд новых теоретических положений, раскрывающих связь эволюции человека и техники, связь мозга и языка, наметить этапы формирования социального организма, проследить рождения образной графики и словесного символизма, ведущих к появлению искусства. Техника не ограничивается ролью внешнего расширения человека, она укоренена в движениях и жестах людей. Жест понимается не как вид языка, но как часть любого языка, как основание любого письма. Жесты дают начало связанным видам письма – когда видимый язык изображений соотносится со слышимым языком речи. Статья адресуется исследователям, интересующимся социокультурной материальностью, антропологией техники и антропологией письма.

Ключевые слова: материальный поворот, техники тела, движение, жест, артефакт, фигуративное поведение, письмо, мифографическое, мифологическое

Введение

Андре Леруа-Гуран (1911–1986) – известный французский ученый, специалист в области палеонтологии, археологии, этнологии, истории техники и истории искусства, автор многих книг и статей, обладатель множества научных званий и наград. Рассказывая о себе, он нередко

отмечал, что познаниями в самых разных сферах он обязан самообразованию. В четырнадцать лет он оставил школу, ее заменили библиотеки. В двадцать лет в школе восточных языков Сорбонны он получил диплом по русскому языку и литературе, в двадцать три года – диплом по китайской филологии, в 1930-х годах он два года ведет исследования в Японии. В годы войны участвует в движении Сопротивления. Его академическая карьера успешно развивается, под руководством Марселя Мосса он защищает диссертацию (1946), становится профессором Парижского университета (1956), директором Института этнологии (1963), руководит многочисленными полевыми исследованиями по археологии, публикует книги по истории техники, истории искусства.

Фундаментальная работа «Жест и речь» выходит в свет во Франции в 1964 г. Тим Ингольд называет эту работу «одной из выдающихся в антропологии XX века» (Ingold 1999: 451). М. Шазан сопоставляет влияние этой книги А. Леруа-Гурана во Франции с книгами «Неукрошенная мысль» К. Леви-Строса и «Очерк о даре» М. Мосса (Chazan 2004). Эти и другие исследователи отмечают его влияние на работы М. Фуко, Ж. Деррида, Б. Стиглера, Ж. Симондона (Stiegler 1998; Hansen 2006; White 1993; Audouze 2002; Латур 2006).

В центре размышлений Леруа-Гурана человеческая эволюция, с ее вечной проблемой – что такое человек? Есть ли это просто зоологическое существо, физически ограниченное кожей и интеллектуально ограниченное содержанием черепа? Или сущность человека состоит в трансцендировании в сферу связей с другими людьми, опосредствованную языком, в сферу нашей технической вовлеченности в материальное окружение, опосредствованную инструментами?

Обращает на себя внимание особенность восприятия его идей: лишь через тридцать лет «Жест и речь» переводят на английский язык. Но не только языковые причины мешали своевременному вхождению идей Леруа-Гурана в англоязычный научный оборот и не только непривычный для академической традиции эссеистский стиль его письма (Audouze 2002: 280). Более всего этому не способствовал мультидисциплинарный характер его идей, переплетение методов и подходов самых разных дисциплин – от палеонтологии и биологии до социологии и истории искусства. Леруа-Гуран бросал вызов правилу, которое утвердилось в Новое время, в соответствии с которым «науки могут получить место под солнцем, только при условии, что будут оставаться обособленными друг от друга. Но если то, что вы исследуете, проходит через три области, вас уже больше не понимают» (Латур 2006: 64). Думается, что с подобной особенностью восприятия этого исследователя мы сталкиваемся в России сегодня. К отмеченным трудностям добавляется теперь еще и временной фактор – прошло более полвека с момента создания этих текстов. Науки не стоят на месте и какие-то положения ав-

тора нуждаются, возможно, в уточнениях, но это никак не отменяет важности обращения к ним.

В Новое время среди прочих интеллектуальных привычек повсеместно утвердилось противопоставление культуры материальной и нематериальной (обычно именуемой «духовной»). Это распространенное положение многих отечественных учебников по социальным наукам, придерживающихся парадигмы позитивизма. Данной привычке Леруа-Гуран тоже бросал вызов. Он считал, что если принять такое разделение, то культура будет пониматься как противостоящая материальности, будет рассматриваться как парящая над материальным миром. Но культура не просто окутывает собой универсум вещей, не просто оформляет и трансформирует их поверхности – она проникает внутрь вещей (Olsen 2003: 94). И если нас интересует прошлое, то мы можем не только вещи извлекать из прошлого, но и прошлое извлекать из вещей. Примерами такого рода вещей могли бы служить артефакты, весь ландшафт культуры, наконец, тело человека, имеющее свою историю. Техники тела по М. Моссу – это исторически менявшиеся способы, какими люди используют свое тело.

Тело может выступать метафорой человеческой частичности, когда нам говорят, что «это всего лишь тело, а где душа, где дух?». Оно может быть метафорой человеческой целостности, когда мы слышим, что есть «тело души, есть тело духа, есть, наконец, тело тела (плоть)».

Материальный поворот в социальных науках связан с постановкой новых вопросов и признанием ряда факторов. Из чего состоит общество? Состоит ли оно из людей (вместе с их деятельностью, институтами и идеями) или в социальный мир следует включить еще и предметы, которые возникают в деятельности? И особо важно: если предметы допускаются в социальную реальность, то как их следует толковать – как символы социальных отношений (знаки) или как вещи, наделенные самостоятельной активностью? Материальный поворот связан с признанием того, что предметы – это не просто знаки, и люди не являются единственными деятелями в социокультурной жизни. Активность вещей заставляет к ним прислушиваться. Люди упорядочивают объекты и сами оказываются ими же упорядоченными. Мы повинемся вещам, а не знаниям о вещах. Интерес антропологии к артефактам оправдан – именно через них раскрывается непохожесть разных групп.

Техника и эволюция человека

Исходным для Леруа-Гурана выступает понятие техники. Обычное понимание техники как внешнего расширения человека он усложняет. Основной принцип техники – опосредствование, использование промежуточных звеньев в отношении к миру – он переносит внутрь чело-

века, опосредствование пронизывает всю органику. Палеонтологическая перспектива побуждает его представлять технику в качестве биологического феномена – предпосылки техники присутствовали у истоков жизни и развились постепенно с течением времени.

Во времени большой предыстории техника пребывает в форме «чисто зоологического факта» (Leroi-Gourhan 1993: 106). Переход от зоологической стадии к социологической связан с тем, что техника освобождается от связей с организмом, стремится жить собственной жизнью. Это сопровождается процессами разделения труда, установлением социальных групп внутри вида. Размышления над техникой опирались на огромный архив описанных практических преобразований веществ через ковку, обрезку, литье, формовку, которые поначалу осуществляются силами самого человека, затем силами животных, силами воздуха, ветра, воды, огня. Изобретение колесной повозки, плуга, ветряной мельницы, парусного корабля нужно рассматривать не только как порыв человеческого духа, но и как биологическое эволюционное явление (Ibid: 246), как мутацию внешнего социокультурного материального организма, который продолжает физиологическое тело человека.

Было бы ошибочно думать, что вначале завершается процесс биологической эволюции, а затем появляется техника и волшебным образом завершает процесс становления человека. Техника оказывается отнюдь не внешней силой, она встроена в процесс становления нашего зоологического вида. Более того, опосредствования входят в процессы жизни, много более древних форм, чем наш вид. Захватывающую картину эволюции создает ученый – от рыб до компьютеров, своим масштабом она не может не увлечь читателя!

Как пишет Х. Тилли, «Быть человеком означает одновременно *создавать* расстояние между собой и тем, что находится за пределами человека, и *пытаться* преодолеть это расстояние с помощью различных средств – через восприятие (зрение, слух, прикосновение), телесные действия и движения, а также интенциональность, эмоции и осознание, находящиеся в системах веры и принятия решений, памяти и оценки» (Tilley 1994: 12).

Такие процессы Леруа-Гуран раскрывал через понятия «экстериоризации», «освобождения». В деятельности возникает мир артефактов, складывается культурный ландшафт, теперь здесь идут эволюционные процессы.

Предки человека эволюционировали параллельно с другими млекопитающими, вплоть до освоения прямохождения, вертикальная поза человека задает векторы резких изменений. Рука освобождается от функции перемещения, развиваются движения предметного действия, развивается функциональная связь «рука – инструмент». Освобождение рта от функций захвата и удержания добычи ведет к актуализации другой пары – «лицо – язык».

Неверно думать, что особенность человека в инструментальном отношении к миру. Животные имеют свои инструменты по усвоению среды, они ими виртуозно пользуются. Отличие состоит в том, что человек умеет отделять инструменты от своего тела, а инструменты животных слиты с их телами. Инструмент, который «освобождается» от тела, отнюдь не превращается во внешний протез, он по-прежнему связан с телом, инструмент – это «истечение» или «секреция» антропоидного тела и мозга (Leroi-Gourhan 1993: 90).

Привлекая идею жеста, Леруа-Гуран показывает, что инструменты и тела глубоко прорастают друг в друга. Инструменты и тела изобретают друг друга, вот что лежит в основе преодоления дуализма материального и нематериального, вещественного и смыслового.

Моторные функции руки и лица оказываются решающими факторами в процессе становления жеста, который связан с материальным действием, с одной стороны, и с речью, звуковой символизацией, с другой стороны (Ibid: 187).

Рука как телесный орган и речь как орган мышления являются решающими факторами становления человека. Рука и речь формируются вместе, их единство позволяет по-новому говорить о телесности. Тело – это способ, каким природа становится человеком.

Рука является рукой не сама по себе, рука – это то, что она делает, в ходе операций с инструментами, языковая способность также существует только в процессе своего установления в речи. Одомашнивая растения и животных, человек одомашнивал и самого себя, развивал новые формы поведения, фигуративное поведение выстраивается на базе природного поведения. Отвергая церебральный критерий появления вида Ното, Леруа-Гуран отмечает, что рассуждения об этапах эволюции нужно начинать с вертикальной позы, с движений тела. Он считает, что важен не объем мозга сам по себе, движения тела и их развитие важнее, чем способность интеллекта решать задачи.

Уровни движений, описанные в физиологии активности Н. Бернштейном, убеждают в этом. Палеокинетические движения, движения синергий, пространственно-временного поля, предметного действия, наконец, движения символических координаций – вот где развивается сфера жестов и их связей (Круткин 2014). Понятие жеста позволяет преодолевать дуалистический подход, противопоставляющий тело и интеллект. Как отмечает Т. Ингольд, «интеллект лежит в жесте самом по себе, как совместная деятельность человеческого существа, инструмента и сырой материальности». Интеллект – это не только способность сохранять большое число последовательностей действий в памяти, но и способность выбирать между последовательностями. Между наиболее высокоразвитыми обезьянами и людьми существует качественное различие в свободе выбора. Это качественное различие за-

ключается не просто в том, что закрепляются дополнительные степени свободы внутри природы, здесь достигается особого рода свобода от природы (Ingold 1999: 412).

Техника, по мнению Леруа-Гурана, это одновременно инструменты и жесты, организованные в определенной последовательности, такой синтаксис придает сериям действий как стабильность, так и гибкость (Leroi-Gourhan 1993: 231–233). Жест начинается как цепочка операций инструментов с миром, эта цепочка – одновременно выражение знания и умения, здесь связываются движения и восприятия человека.

Понятие операционной последовательности обозначает инварианты, которые связывают жесты в разных средах. Отвергая привычную дихотомию интеллекта и инстинкта в объяснении деятельности, Леруа-Гуран вводит понятие «технических операций», управляемых программами, они не поддаются сознательному контролю, но сохраняются в памяти.

Существует генетическая память, она присутствует во всех живых существах, формирует автоматические поведенческие акты. Второй вид памяти – индивидуальная память, она накапливает программы через опыт и обучение. Третий тип памяти – социальная память. Этот уровень предполагает поведение, опирающееся на технику, здесь язык играет доминирующую роль, будь это повторение последовательности операций или создания новых последовательностей. Орудие труда – это инструмент, освобождающий человека от генетического принуждения, тогда как животные генетически привязаны к своему виду (Leroi-Gourhan 1993: 219–236).

Леруа-Гуран пишет, что история и философия приучили, было, нас думать о единстве рода человеческого, о неизменности природы человека. Но человек находится под воздействием не только сил природы, но и факторов, какие он вызывает в своей среде, в первую очередь – социальной среде, которая изменяется с каждым решающим изменением в технологиях. Размещать человека на эволюционной шкале между его диким предком и одухотворенным ангелом, писал Леруа-Гуран, это предаваться романтической грезе. Скорее двойником человека будет не ангел, но совершенная машина, автоматический робот. Однако, писал он, «подобный кошмар, тень которого уже веками преследует людской разум, будет близок к реальности, если найдутся люди, которые будут регулировать системы этих роботов» (Ibid: 248).

Движение и жест в фигуративном поведении

Упорядочивая мир, человек делается сам упорядоченным миром, природное поведение получает новые измерения, оно становится фигуративным. Такое поведение опирается на артефакты. Нередко эти артефакты дифференцируют на два класса – осязаемые и неосязаемые. Но

разнообразие возникающих артефактов не должно препятствовать пониманию их единства. По замечанию М. Маклюэна, есть вещи осязаемые («hardware»), такие как шары и клюшки, вилки и ложки, железные дороги, космические корабли, радиоприемники, компьютеры). Есть вещи неосязаемые («software»), такие как теории и законы в науке, философские системы, формы и стили в живописи, поэзии, музыке и так далее). «Все перечисленное в равной степени является артефактами, все они в равной степени человечны, все в равной степени поддаются анализу», и нужно быть готовым к тому, что все привычные различия между науками и искусствами, между вещами и идеями, между физической и метафизикой будут утрачивать былую строгость (McLuhan 1988).

Осязаемость и неосязаемость артефактов не следует трактовать как их материальность и нематериальность. Сама материальность артефактов – это не их изначальная характеристика. Это результат становления, опосредствования непосредственного, это продукт материализации имматериального. «Имматериальное» как термин предпочтительнее отрицательного прилагательного «нематериальное». «Имматериальное» – это не антиматериальность, это выражение присутствия «другой материальности», тогда как отрицательное прилагательное лишь отображает идею отсутствия качеств. Например, люди могут пользоваться выражением «безалкогольный напиток», но в этом случае они как раз говорят о том, чего в напитке нет и не говорят о том, что же там есть – вода, сахар, витамины, соли и т.д. Опосредствование непосредственного, материализация имматериального раскрывают еще одну сторону этой диалектики. Процесс опосредствования никогда не является завершенным полностью, каждый виток опосредствования вызывает новые проявления непосредственного. Подвергаемые одомашниванию вещи обнаруживают сопротивление, они стремятся жить и своей собственной жизнью, в деятельности результаты все ближе приближаются к целям, но они никогда не совпадают полностью с целями. Поэтому и говорят, что результаты богаче целей.

С самыми разными артефактами (вещественными и невещественными) человек связывается через нацеленность, обращенность, интенциональность. В связи с жестом формируется чувственность человека. Леруа-Гуран считал, что чувственный, т.е. эстетический, опыт много шире художественной сферы, области искусства. Эстетический опыт охватывает не только живописные феномены зрения или музыкальные феномены слуха, он охватывает всю чувственность человека – сферы обоняния, вкуса, осязания, он предлагал развивать новые области знания – физиологическую, техническую, социальную, фигуративную эстетику (Leroi-Gourhan 1993: 272).

Известен функциональный подход Б. Малиновского к потребностям, которые им различались как первичные и производные (Малиновский

2005). Первичные потребности превращаются в производные, когда складывается фигуративное поведение. Значимость различения этих потребностей несомненна. Функциональными являются не только состав пищи (белки, углеводы и т.д.), но и сложные технологии кулинарии. Функциональными выступают пищевые табу, которые с точки зрения иной культуры могут рассматриваться как иррациональные. Функционально не только острие топора, но и орнамент на его рукоятке. Орнамент выполняет ритуальные, а значит, практические функции, орнамент – это социокультурная материальность. Материальна та сторона вызываемого людьми порядка, которая способна влиять на поведение людей. Технические жесты, фиксирующие порядок самой деятельности, могут получать в этой деятельности ту или иную форму репрезентации. Это могут быть линии или серии линий, проведенные твердым предметом на том же орудии из камня или кости. Леруа-Гуран считал, что ранние графические инициативы начинаются с абстрактных точек и линий (Leroi-Gourhan 1993:190). Такие абстрактные линии и точки он связывал с колдовскими магическими практиками, считал, что именно абстрактные линии и точки являются предшествующими ритмическими манифестациями культуры. И техники руки и техники речи должны усвоить программы, не обоснованные генетически. Такой программной составляющей в единстве пространства и времени выступает ритм.

Формула «труд создал человека» вполне созвучна идеям Леруа-Гурана, но что именно делает труд человеческим? Что делает движения человеческими? Указание на «сознание», которое приходит на смену «инстинктам», не может быть принято. Деятельность человека отнюдь не всегда направляется светом сознания, да и инстинкт оказывается на проверку очень сложным явлением. Природные предпосылки деятельности и человеческая рефлексия проходят систему социального опосредствования. Ни инстинкт, ни сознание сами по себе не могут рассматриваться как причины, управляющие поведением, – они следствия. «Среди тысячи индивидов, получивших музыкальное образование, только один может быть генетически пригоден стать великим исполнителем, о котором можно сказать, что он / она играют по инстинкту, но среди тысячи музыкально одаренных индивидов только один, возможно, получил музыкальное образование – другие никогда не получают шанс формировать свою память музыкальным исполнением, и связь между их генетической пригодностью и требованием внешнего окружения никогда не будет установлена» (Ibid: 225).

По А. Леруа-Гурану, смысл жеста состоит в том, какую работу он осуществляет, безотносительно к значениям, имеющимся у сторон общения, без необходимости в символическом коде или адресате, который «читал» бы жест как знак. С палеонтологической точки зрения важным является не противопоставление жестов и речи, но раскрытие

их становления из общего корня. У нас нет оснований противопоставлять «язык слов» и «язык жестов». В лингвистике изучаются артикуляционные жесты, т.е. двигательные акты, с помощью которых реализуется речь.

Жест – это особая разновидность языка или часть любого языка? Первого подхода обычно придерживаются в лингвистике, где традиционно рассматривают жест как вид языка, дополнительный к вербальной коммуникации. Здесь считают, что жест дает о себе знать в ситуациях, когда человеку «есть что сказать» (Kendon 1996), когда существуют конвенции, в соответствии с которыми некие движения опознаются как жесты, передающие мысли и чувства. Существует немалый корпус научных текстов – лингвистических, семиотических, психологических, этнологических, посвященных проблеме описания «языка жестов» (Крейдлин 2005).

Так, Я.В. Чеснов придавал большое значение феномену жеста в этнологической перспективе. Характерно, что жесты здесь получали лишь семиотические характеристики: «Жесты либо выражают внутреннее состояние организма, либо обозначают внешнюю обстановку и цели ориентирующегося индивида» (Чеснов 1998: 190). Но кроме функции «выражать» и «обозначать» какую-то реальность, жест еще и создает некую реальность. На театральной сцене, например, когда герой яростно кричит и размахивает руками, мы имеем дело с репрезентацией гнева, тогда как в жизни это будет уже не прежняя репрезентация гнева, это будет уже скорее сам гнев.

Фигуративное поведение вытесняет то, что было природным поведением. Можно сказать, что все формы поведения людей являются выученными, ориентированными на артефакты. Сама идея «утилитарности» должна быть уточнена. С точки зрения деятельности вещи бывают полезными, бесполезными, вредными. Все, что значимо, – утилитарно. Артефакты как вещественные, так и невещественные (по словам М. Маклюэна – «hardware» и «software») с точки зрения смысла не объективны, не субъективны, они контекстуальны. А. Леруа-Гуран расширил понятие утилитарности, он считал, что «всякое искусство утилитарно: скипетр, символ королевской власти, посох епископа, любовная песня, патриотический гимн, статуя, в которой власть богов выражена материально, фреска, которая напоминает прихожанину ужас ада, – все, несомненно, имеет практическое значение» (Leroi-Gourhan 1993: 363). Раз практическое, то, значит, и материальное, ибо материальность здесь понимается не как пространственная вещественность артефактов, она понимается как порядок принуждающей людей силы.

В фигуративном поведении через жесты совершается domestикация пространства и времени, когда природные ритмы превращаются в культурные. В этот процесс человек вовлекается всей своей воплощенностью, а не одной психикой или сознанием.

Импульсы голода, равно как сексуальные импульсы, никто не может отменить, но люди изобретают сложные пищевые и половые табу, учитывающие и другую ритмичность. Пространство и время человеческого мира в истории одомашнивания утрачивают однородность. Вздох и выдох как природный ритм дыхания дает начало жестам артикуляторным, порождающим звуки слышимого голоса (речи и пения).

Одни жесты и движения служат основой для других. Локомоторные функции рук и ног служат основой движениям ходьбы и бега, но те же движения и жесты послужат основой для «выделки» формулы ритуалов и танцев. В танце как ритуале интеракции реальность не отображается, там возникает танцевальная реальность. Если рисунок – это «танец» куска угля на поверхности стены, то танец – это телесный «рисунок» в пространстве вокруг ритуального костра, танец – это синтез пространства и времени, где складывается пространство энтузиазма. В рамках «material studies» не только жилище, еда и одежда, но изображения, музыка и танец рассматриваются как формы, порождающие социокультурную материальность.

Жест наделен интенциональностью, через это он ориентирован на другого (Вульф 2011: 88–90). Жест – это способ устанавливать идентичность, способ, каким мы создаем и меняем себя, понимаем других и себя. Через жесты, позы и способы поведения в обыденных ситуациях формируется та часть связей с социальной группой, от которых человек вряд ли когда быстро освободится, даже если переместится в другой класс или этническое окружение, считал Леруа-Гуран. Жесты вместе с людьми кочуют по свету, изобретаются, заимствуются, утрачиваются и могут быть вновь найдены (Булгакова 2005). Они могут выступать ресурсом противостояния процессам гомогенизации мира (Noland 2008).

Вот почему Леруа-Гуран заключает: «инструменты, язык и ритмическое творчество являются тремя смежными аспектами одного и того же процесса» (Leroi-Gourhan 1993:373)

Техники фигуративных репрезентаций

Фигуративное поведение складывается с опорой на определенные артефакты, движения и жесты. Они не образуют заметного плана бытия, но могут быть выделены: нужны определенные усилия, чтобы обнаружить, что мы говорим прозой. Нужен перенос центра внимания, чтобы открылся мир посредников, обобщенно именуемых «медиа». Самые близкие медийные посредники – речь и письмо. И снова о специфике человека. Леруа-Гуран пишет, что инструменты и сигналы, пусть в самой зачаточной форме, но все же присутствуют у наших старших братьев. Но чего нет в мире животных – у них нет письма и чтения символов (Leroi-Gourhan 1993: 188).

Леруа-Гуран имеет в виду не то письмо, которое возникло 5000 лет назад в условиях оседлости и развития металлургии, когда стали актуальны задачи записывать жертвы богам и долги людей, когда возникли военные победы и трофеи. Тогда фонемная речь была зафиксирована подходящей линейной графикой, возникло алфавитное письмо. Здесь у него речь идет о письме, которое в виде графических росписей доходит до нас из глубины древних пещер. Каков смысл этих графических изображений, которым не менее 30 000 лет?

Верно ли, что эти изображения в пещерах были пособиями по охоте, энциклопедией мира животных, упражнениями по мастерству древних художников? Верно ли использовать наше нынешнее понятие искусства и переносить его в верхний палеолит?

Леруа-Гуран склоняется считать эти изображения графическими репрезентациями мифов, но не в смысле иллюстрирования последних. Обычный вопрос, какой задают по поводу таких графических следов, – это изображения чего? Но к пещерным инициативам можно задать и другой вопрос. Эти изображения оказываются на своде пещеры в связи с чем? Он считает, этим «чем-то» были другие жесты культуры – слова становящейся речи. Общим контекстом выступает миф. Леруа-Гуран склонен различать «мифологику» и «мифографику». Если первое связано с работой речи, то второе связано с работой рук (Ibid: 196).

Изображения – продукт особого рода жеста. Было бы поспешно переводить анализ в семиотическую плоскость. Жест в прямом смысле – не знак. Ю. Кристева считала, что «жест есть работа, предшествующая созданию знака (смысла) в ходе коммуникации» (Кристева 2004:116). Часто слишком расширительно семиотические понятия применяют к искусству, к изображениям, возникающим из особых движений и жестов.

Полезно прислушаться к мнению А. Матисса – «каждое произведение искусства – это система знаков, изобретенных во время его создания и по требованию момента. Выйдя из композиции, эти знаки утрачивают всякую действенность. Знак обладает определенностью только тогда, когда я его использую, и только применительно к предмету, с которым он должен содействовать» (Цит. по Франкастель 2005: 26). Получается, что языков искусства столько, сколько существует произведений искусств.

Письмо, по мнению ученого, существует в двух формах – графической и алфавитной. Алфавитное письмо изучено более основательно, хотя грамматология письма пока не стала антропологией письма (Эпштейн 2015). Здесь исследователей ждут интересные проблемы. Кто он – Homo scriptor, изобретатель письма как внешней памяти?

Не менее интересен вопрос, кто он – Homo pictor? Что привносят в жизнь людей создаваемые ими подобные артефакты? В какой степени изображения обладают признаками социокультурной материальности?

Конечно же, рядом с человеком, как и пишущим, так и рисующим, нужно видеть «человека говорящего». Но речь не выводит нас за пределы семиотической двойцы знака и значения, более того, ввергает в бесплодные дебаты о противостоянии вербального и визуального.

Для решения такой проблемы Ханс Бельтинг, например, развивал антропологическую теорию образа. Он полагал, что необходимо в единстве рассматривать образ, медиа (изображение) и тело человека (Belting 2005: 302). Эта триада расположена не в линию, а скорее по кругу, и можно сказать, что любое из них может занять место между двумя другими. Здесь тело человека опосредует отношение медиа (изображения) и образа. Равно как изображение опосредствует отношение тела и образа. Образ не содержится в изображении, не содержится он и в теле человека (например, в нервной системе или веществе мозга), он «содержится» в движениях и жестах опосредствований, выстраивающихся между телом человека и изображением. Письмо – графический артефакт, след движения или жеста на какой-то поверхности. Вовлеченный в опосредствование, такой след выступает как медиа.

Бельтинг пишет – мы не столько воспринимаем медиа (изображение), сколько его «оживляем», населяем образом, при этом медиа становится аналогом нас самих как телесных существ. Это близко к тому, как восприятие живописи раскрывается в феноменологии. О живописной картине М. Мерло-Понти говорил: «вижу, скорее, не ее, но сообразно ей, или с ее участием» (Мерло-Понти 1992: 17).

Мифографика и мифологика – основные техники письма, больше известные в науке под именами воображаемого и символического, образного и словесного. Чтобы лучше представить наше место, приведем слова антрополога М. Годелье, он считает, в нынешнюю эпоху «произошло общее изменение перспективы при анализе социальных фактов, смещение реального и воображаемого в сторону символического и утверждение принципа, согласно которому из воображаемого и символического (которые не могут существовать раздельно) именно символическое доминирует и, следовательно, должно быть отправной точкой любого анализа» (Годелье 2007: 35).

Важен вклад Леруа-Гурана в утверждение значимости обеих сторон опыта. «Два языка, отталкивающиеся от одного источника, приходят в существование на двух полюсах действующего поля – язык слышимый, который связан с развитием звукокоординированной сферы, и язык видимый, который, в свою очередь, связан с развитием жестом координированной сферы – жесты здесь переводятся в графические символы» (Leroi-Gourhan 1993: 195).

Мари-Жозе Мондзен – это ключевой автор в области визуальных исследований, специалист по историческим спорам иконоборцев и почитателей икон. Когда М.-Ж. Мондзен обращается к артефактам, от-

крытым в пещерах (в частности, в пещере Шове), она делает важное для нашей темы методологическое замечание: «Анри Леруа-Гуран — один из немногих, кто приблизился к философии происходящего» (Mondzain 2010: 312).

Возможны различные траектории обсуждения вопроса о связи зрения и образа. Мондзен выбирает первичность образа перед зрением. «Мы видим мир не потому лишь, что имеем глаза» (Ibid: 308). Язык нужен не сам по себе. Она пишет: «Зрячие субъекты – это те, которые пользуются глазами, чтобы видеть, и речью, чтобы говорить о том, что они видят или не видят».

Мондзен считает, что для разговора о видении не нужно сразу ставить вопрос – что видимое означает, не следует рассматривать образ как объект только зрения. Изображения и слова всегда связаны. Многие авторы отмечают связь искусства и религии. Леруа-Гуран считал, что графическими средствами удастся выразить то, что остается невыразимым для словесного языка. Графические артефакты позволяют людям восстановить их истинное место в центре космоса, что затруднительно для логических интеллектуальных систем (Leroi- Gourhan 1993: 200).

Известен парадокс картины видимого мира: в ней никак не может быть представлен сам видящий, он – белое пятно. И М.-Ж. Мондзен указывает точку, которая может давать начало субъекту. Это отпечаток руки древнего человека на стене пещеры. Их археологи обнаруживают повсеместно, древняя мифография сочетается с модным селфи.

М.-Ж. Мондзен пишет, что человек буквально опирается на стену рукой, когда располагает ладонь на ее поверхности, но затем, используя жидкий пигмент, которым он наполняет свой рот, через трубочку дует на ладонь. Затем смотрит, но не на руку, покрытую пигментом, но на оставленный рукой след, когда руку убирают (Mondzain 2010: 313). Он видит собственное отсутствие. Сталкивается с «присутствием отсутствия». Именно так часто определяют «образ».

В дневном свете вне пещеры видимых предметов гораздо больше. Но вот в чем важная особенность изображений на освещаемой факелом стене пещеры: они одновременно выступают предметами и для руки, и для взгляда. Все вокруг остается в темноте. Зрение изобреталось руками как переход от видимого мира к видимому полю. Это условие для формирования «картинного зрения», которым пользуются и современные люди.

Заключение

Инерция противопоставлять «материальную» и «нематериальную» культуру свидетельствует о живучести однолинейного понимания истории, о привычке дуалистического противопоставления тела и души в

понимании человека, привычно противопоставляющего субъект и объект в трактовке познания. Но человек находит себя в мире не как сознание, не как дух, но как воплощенное существо. Вещи мира предстоят не только человеческому сознанию, своей плотностью вещи предстоят телесности человека. Идеи Леруа-Гурана побуждают отказаться от одностороннего семиотического видения мира, когда объекты сводятся к их символической функции, а мир видится исключительно сквозь призму дискурсивных решеток, как подлежащий «чтению».

Тела людей и тела предметов образуют родственные группы, они одной субстанции в пространстве и времени. Осмысление человеком мира идет не только через язык и логику, но и через тело и чувства. Леруа-Гуран повлиял на развитие методологии междисциплинарных исследований, на становление «материального поворота» в социальных науках. Материальность здесь понимается не как пространственная непроницаемость или как вещественность артефактов, она понимается как порядок принуждающей людей силы, способной влиять на поведение людей, в этом отношении социокультурной материальности вообще невозможно что-либо противопоставить. Если рассматривать «исследования материальности» в ретроспективе, то первые шаги в этом направлении мы находим в работах Андре Леруа-Гурана. Т. Ингольд, давая характеристику книге «Жест и речь», подчеркивал ее масштабность: она «побуждает нас задуматься о наиболее фундаментальных идеях, касающихся анатомической эволюции человека, об отношениях между мозгом и телом в эволюции техники, отношениях между восприятиями и действиями в эволюции языка, между речью и письмом в эволюции искусства, между воображением и практикой» (Ingold 1999: 413). Эти слова хорошо оттеняют актуальность идей Леруа-Гурана и сегодня.

Литература

- Булгакова О.* Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Вульф К.* Жесты как язык чувств. Миметический и перформативный характер жестов // Чувство, тело, движение. М.: Канон +, 2011.
- Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.
- Крейдлин Г.* Язык тела и кинесика как раздел невербальной семиотики // Тело в русской культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Кристева Ю.* Жест: практика или коммуникация? // Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
- Круткин В.Л.* Техники тела и движения человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 17 (2). С. 167—170.
- Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметрической антропологии. СПб.: Изд. дом Европейского университета, 2006.
- Малиновский Б.* Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.
- Мерло-Понти М.* Око и дух. М.: Искусство, 1992.
- Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии: учеб. пособие. М.: Гардарики, 1998.

- Франкастель П. Фигура и место. Визуальный порядок в эпоху Кватроченто. СПб.: Наука, 2005.
- Эпштейн М.Н. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 131. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11271/ (дата обращения: 27.07.2018).
- Audouze F. Leroi-Gourhan, a Philosopher of Technique and Evolution // Journal of Archaeological Research. 2002. № 10 (4). P. 277–306.
- Belting H. Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology // Critical Inquiry. 2005. № 31 (2). P. 302–319.
- Chazan M. Locating Gesture: Leroi-Gourhan among the Cyborgs, 2004. URL: semioticon.com/virtuals/Locating%20Gesture.pdf (дата обращения: 27.07.2018).
- Hansen M.B.N. Media Theory // Theory, Culture & Society. 2006. № 23 (2–3). P. 297–306.
- Ingold T. ‘Tools for the Hand, Language for the Face’: An Appreciation of Leroi-Gourhan’s Gesture and Speech // Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. 1999. № 30 (4). P. 411–453.
- Kendon A. An Agenda for Gesture Studies // Semiotic Review of Books. 1996. № 7 (3). P. 8–12. URL: www.univie.ac.at/wissenschaftstheorie/srb/srb/gesture.html (дата обращения: 27.07.2018).
- Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- McLuhan M. Laws of Media. University of Toronto Press, Toronto Buffalo, London, 1988.
- Mondzain M.-J. What Does Seeing an Image Mean? // Journal of Visual Culture. 2010. № 9 (3). P. 307–315.
- Noland C. Introduction // Migrations of Gesture, ed. C. Noland and S.A. Ness. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008. P. 9–26.
- Olsen B. Material culture after text: re-membering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. № 36 (2). P. 87–104.
- Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus, transl. by R. Beardsworth and G. Collins. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Tilley C. A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments. BERG Oxford/Providence, USA, 1994.
- White R. Introduction // Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2018 г.

Krutkin Viktor L.

HUMAN CORPOREALITY AND TECHNIQUES OF WRITING IN ANDRÉ LEROI-GOURHAN’S ANTHROPOLOGY

DOI: 10.17223/2312461X/21/4

Abstract. A new paradigm in the social sciences, often called ‘material turn’, appeared at the end of the twentieth century. As is known, typical of modernity was the understanding of human beings as the only active subjects; however, it can be argued that the world of artifacts also has an active part to play as artifacts are not just signs of social relations. Today, there are many texts devoted to rethinking of these ideas that reveal the place of man in the world in a new way. Man appears in history not as a thought, not only as an ideal consciousness, but as an embodied physical being. Physicality is no longer considered only as a natural component of social interactions. This does not mean that a human being ceases to be a physiological being. The body is the way by which Nature becomes Human Being. The study of such transformation requires an interdisciplinary methodology. And now historians, anthropologists,

sociologists, and psychologists simply cannot ignore the results obtained in the course of this turn. This article explores the ideas of A. Leroi-Gourhan which we find in his fundamental work titled 'Gesture and Speech' (1964). Many ideas of his preceded those at the core of the 'material turn'. He developed an original methodology which allowed to put forward a number of theoretical provisions concerning the evolution as a whole and revealing the relationship of human evolution and technology, and the connection between the brain and language, as well as to identify the stages of social organism formation, to trace the birth of figurative graphics and verbal symbolism leading to the invention of art. Man is not a monopolist in the world of technology; technology is not limited to being an extension of the physical person, it is rooted in people's movements and gestures. Gesture is understood not as a kind of language, but as a part of any language, as a basis for writing. Gestures give rise to related types of writing – when the visible language of images correlates with the audible language of speech. The article is addressed to researchers interested in socio-cultural materiality, the anthropology of technique and writing.

Keywords: material turn, techniques of the body, gesture, movement, artifact, figurative behaviour, writing, the mythographic, the mythological

References

- Bulgakova O. *Fabrika zhestov* [The factory of gestures]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Vulf K. Zhesty kak iazyk chuvstv. Mimeticheskii i performativnyi kharakter zhestov [Gestures as a language of feelings. The mimetic and performative character of gestures]. In: *Chuvstvo, telo, dvizhenie* [Feeling, body, and movement]. Moscow: Kanon +, 2011.
- Godelier M. *Zagadka dara* [The enigma of the gift]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007.
- Kreidlina G. Iazyk tela i kinetika kak razdel neverbal'noi semiotiki [The body language and kinetics as a part of non-verbal semiotics]. In: *Telo v russkoi kul'ture: Sb. statei* [The body in Russian culture: a collection of articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
- Kristeva Ju. Zhest: praktika ili kommunikatsiia? [Gesture: practice or communication]. In: *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: destroying the poetics]. Moscow, 2004.
- Krutkin V.L. Tekhniki tela i dvizheniia cheloveka [Techniques of the body and human movements], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2014, no. 17(2), pp. 167–170.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetricheskoi antropologii* [We have never been modern]. St. Petersburg: Izd. dom Evropeiskogo universiteta, 2006.
- Malinowski B. *Nauchnaia teoriia kul'tury* [A scientific theory of culture and other essays]. Moscow: OGI, 2005.
- Merleau-Ponty M. *Oko i dukh* [Eye and mind]. Moscow: Iskusstvo, 1992.
- Chesnov Ia.V. *Leksii po istoricheskoi etnologii: Ucheb. posobie* [Lectures on historical ethnology: a textbook]. Moscow: Gardarika, 1998.
- Francastel P. Figura i mesto. Vizual'nyi poriadok v epokhu Kvattrocento [Figure and place: visual order in the era of Quattrocento]. St. Petersburg: Nauka, 2005.
- Epstein M.N. Skriptorika. Vvedenie v antropologiu i personologiu pis'ma [Scriptorics. Introduction to the anthropology and personology of writing], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015, no. 131. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/131_nlo_1_2015/article/11271/ (accessed 27 July 2018).
- Audouze F. Leroi-Gourhan, a Philosopher of Technique and Evolution, *Journal of Archaeological Research*, 2002, no. 10 (4), pp. 277–306.
- Belting H. Image, Medium, Body: A New Approach to Iconology, *Critical Inquiry*, 2005, no. 31(2), pp. 302-319.
- Chazan M. Locating Gesture: Leroi-Gourhan among the Cyborgs, 2004. Available at: semioticon.com/virtuals/Locating%20Gesture.pdf (accessed 27 July 2018).
- Hansen M.B.N. Media Theory, *Theory, Culture & Society*, 2006, no. 23(2-3), pp. 297–306.

- Ingold T. 'Tools for the Hand, Language for the Face': An Appreciation of Leroi-Gourhan's Gesture and Speech, *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*, 1999, no. 30(4), pp. 411–453.
- Kendon A. An Agenda for Gesture Studies, *Semiotic Review of Books*, 1996, no. 7(3), pp. 8–12. Available at: www.univie.ac.at/wissenschaftstheorie/srb/srb/gesture.html (accessed 27 July 2018).
- Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.
- McLuhan M. *Laws of Media*. University of Toronto Press, Toronto Buffalo, London, 1988.
- Mondzain M-J. What Does Seeing an Image Mean?, *Journal of Visual Culture*, 2010, no. 9(3), pp. 307–315.
- Noland C. Introduction. In: *Migrations of Gesture*, ed. C. Noland and S.A. Ness. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008, pp. 9–26.
- Olsen B. Material culture after text: re-membering things, *Norwegian Archaeological Review*, 2003, no. 36(2), pp. 87–104.
- Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*, transl. by R. Beardsworth and G. Collins. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Tilley C. *A Phenomenology of Landscape Places, Paths and Monuments*. BERG Oxford/Providence, USA, 1994.
- White R. Introduction. In: Leroi-Gourhan A. *Gesture and Speech*. Translated by A. Bostock Berger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993.